

**ПРОБЛЕМА «АРАБСКОГО ЕДИНСТВА»
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИРАКА (70-е годы XX в.)****А.Р.БАГИРОВА**

В 70-е годы XX в. к приоритетным направлениям внешней политики Ирака можно было отнести проблему «арабского единства», которая являлась одним из основополагающих принципов находившегося у власти партии Баас. Принцип «арабского единства» был положен в основу лозунга партии – «Единство, свобода, социализм», проистекавший, по мнению теоретиков партии, из «стремления арабских народов к освобождению и объединению арабской нации в единое государство» [1]. Еще на принятой в 1947 г. первой партийной программе важнейшей ее целью провозглашалось «объединение на националистической основе всех арабских стран в единый государственный организм» во имя «возрождения былого величия арабов» и «утверждения национальных идеалов». В качестве объективных предпосылок для реализации этой цели в программе назывались общность языка, территории, культуры и «священной миссии арабов» [2]. Поскольку концепция арабского единства основывалась на утверждении ее сторонников о том, что арабы составляют единую нацию, а арабские страны – неразделимую политико-экономическую единицу, то Баас считала, что ни одна арабская страна не сможет полностью решить стоявшую перед ней конечную цель, если будет изолирована от других.

Важное место, отводимое идеологами баасизма в их теоретических построениях проблеме арабского единства, было не случайно, если принять во внимание исключительную популярность идеи национального объединения в арабских странах. Единство считалось и считается главным лозунгом и высшим требованием всех политических сил арабского мира, возведенным в ранг государственной политики. Правда, лидеры Баас неоднократно заявляли, что только они являются «единственными последовательными выразителями идеи единства арабов», претендуя на роль руководителей объединенного арабского государства, которое планировалось создать под эгидой этой партии и опираясь на ее лозунги. В триаде – «Единство, свобода, социализм» очередность слов не случайна, как это может показаться на первый взгляд: поскольку Баас ставила общенациональные задачи, сконцентрированные в понятии «единство», в основе своей внутренней и внешней политики, то только через достижение «единства» возможен был путь к «свободе», в условиях которой можно было по-

строить «социализм» в обществе. Отличие баасистской концепции «арабского единства» от других, по мнению теоретиков партии, было связано с тем, что она вывела эту проблему из «плена общих идей и туманных фраз, придала ей плоть и кровь, открыла перед ней путь осуществления, связав с общей борьбой арабских народов за освобождение» [3]. Важной чертой концепции арабского единства Баас являлась ее антиимпериалистическая направленность, обусловленная историческими условиями возникновения баасистского движения и его выхода на политическую арену. Его лидеры считали борьбу за арабское единство составной частью и одной из самых эффективных форм борьбы арабских народов за национальную независимость, поэтому их стремление придать ему массовый характер в корне отличалось от целей представителей других объединительных идей, бытовавших в тот период в арабском мире.

Первым практическим воплощением идеи арабского единства в жизнь стало создание в 1958 г. ОАР в составе Египта и Сирии, просуществовавшей до 1961 г. и распавшейся в результате целого комплекса политических и социально-экономических факторов. Несмотря на допущенные ошибки и в целом неудачу первого государственного объединения, был приобретен положительный опыт в этом направлении, который можно было использовать в последующей практической деятельности, обогатив его другими вариантами. В период правления в Ираке военно-бюрократических режимов конца 50-х- 60-х годов иракские баасисты выступали самыми радикальными сторонниками арабского единства. В июле 1958 г. они выдвинули лозунг «Немедленное и полное объединение с ОАР» [4]. В директивах и внутривнутрипартийных документах, рассылаемых для обязательного выполнения всеми партийными звеньями, осуществление единства с ОАР называлось «в числе важнейших задач партии текущего этапа» и партийным функционерам вменялось в обязанность «в центре и провинциях ориентировать своих сторонников и вести агитацию для реализации именно этой цели» [5]. Следует отметить, что в вопросе о форме объединения двух государств руководство иракской Баас придерживалось принципа органического единства как наиболее соответствующего «высшим интересам прогресса арабской родины» [6]. В данном вопросе компромисс со сторонниками иного мнения категорически отвергался, поэтому не имели успеха инициативы других политических сил страны, выступавших с позиций объединения с ОАР на федеративных началах [7], позволявших наиболее полно учесть экономические, исторические и другие особенности каждой из объединявшихся стран. Максимализм и радикализм Баас при реализации одного из компонентов ее программного лозунга был связан с тем, что ее руководство стремилось закрепить за партией имидж «истинного поборника идеи единого арабского государства». Вместе с тем, нельзя также отрицать чрезвычайную популярность и притягательность для масс идеи арабского единства и в этом смысле можно предположить, что баасисты искренне верили в удачу политического союза Ирака с ОАР

и выполняли своеобразный социальный заказ общества, другое дело настолько страна в тот период была готова политически и экономически к полному слиянию с ОАР. Думается, что при более реалистичном и взвешенном подходе руководства иракской Баас к реализации этой идеи можно было избежать многих ошибок и конфронтации в обществе.

Реальная возможность осуществить одно из важнейших программных требований партии – принцип «арабского единства» представилась Баас после ее прихода к власти в Ираке в феврале 1963 г. Курс на создание единого арабского государства, имевший для баасистов принципиальный характер, в тот период приобрел скорее политическую окраску, поскольку именно вокруг лозунга арабского единства произошло объединение пришедших к власти группировок. Обращает на себя внимание существенная метаморфоза в подходе и взглядах иракских баасистов к «объединительной» политике: неудачный опыт союза Египта с Сирией диктовал отказ от лозунга полного единства в пользу объединения на федеративных началах [8]. Через несколько дней после переворота баасистские лидеры выступили с заявлением, в котором говорилось о намерениях руководства страны предпринять практические шаги для объединения со всеми освободившимися арабскими странами [9]. В «Этапной программе» - документе, призванном определить основные направления внутри- и внешнеполитического курса Ирака, в разделах «Внешняя политика» и «Арабская политика» уже конкретно назывались арабские страны, объединение которых должно было составить ядро будущего общеарабского государства – Египет, Сирия, Ирак, Алжир и Йемен [10]. Руководство Баас объясняло свою позицию по вопросу «арабского единства» тем, что «на данном этапе речь может идти не о полном слиянии освободившихся арабских стран, а об их сближении и блокировании по важным вопросам политики, поскольку между ними имеются различия, хотя и касающиеся частных, тем не менее являющиеся фактом, с которым необходимо считаться» [11]. Ввиду того, что Алжир и Йемен отказались от иракского предложения, расценив его как попытку распространения баасистского влияния на свои страны, усилия иракских лидеров были направлены на форсирование создания Федерации арабских государств (ФАР) в составе Ирака, Сирии и Египта. Несмотря на подписание Хартии ФАР, к функциям которой относились внешняя политика, оборона, национальная безопасность, финансы, координация экономического планирования и выработка единой линии в области культуры, осуществление на практике основных ее положений оказалось делом сложным из-за позиций стран-участниц. Хотя баасисты внешне показывали себя горячими сторонниками ФАР, по существу свои узкопартийные цели они ставили выше продолжавшего оставаться абстракцией арабского единства [12], а потому и не увенчалась очередной попыткой на пути арабского единства.

VI общеарабский съезд Баас (5-23 октября 1963 г.), ставший важной вехой в истории партии и внесший значительный вклад в ее идеологиче-

ский багаж, рассмотрел вопрос об арабском единстве и принял специальную резолюцию об установлении федеративного союза между Сирией и Ираком с учетом объективных условий этих стран. При этом обязательным условием нового государственного объединения должно было быть вступление Египта в него в качестве равного партнера. Но осуществить эти планы не удалось, поскольку в результате очередного военного переворота в ноябре 1963 г. баасистский режим в Ираке пал.

Таким образом, можно констатировать, что политика иракской Баас в области арабского единства в период кратковременного нахождения у власти на деле не была лишена известного противоречия; с одной стороны, она стремилась к нему как одному из основополагающих партийных принципов, с другой – препятствовала его осуществлению, исходя из своих узкопартийных интересов. Как бы то не было этот факт свидетельствовал о несоответствии между декларируемыми лозунгами и их практическим воплощением в жизнь. Для обоснования ошибок в деле осуществления принципа «арабского единства» впоследствии основатель и идеолог Баас М.Афляк писал: «Действительность отличается от теоретически составленных проектов. Наша цель – как можно лучше использовать любую ситуацию» [13]. Руководство Баас, несмотря на явные неудачи в деле практического осуществления объединительных проектов, по-прежнему считало свою концепцию арабского единства гибкой, не застывшей формой. По его мнению, правильное использование объективных и субъективных факторов, связанных с изменением конкретных исторических условий, могло внести коррективы в формы и сроки, необходимые для его осуществления.

Начиная с конца 60-х годов лидеры Баас стали проявлять некоторую осторожность в своих ранее радикальных призывах к арабскому единству. Естественно, здесь сыграла определенную роль критическое осмысление неудачных уроков, «экспериментов прошлых объединений», нашедшее подтверждение в документах IX, X и XI общеарабских (национальных) съездов партии и решениях некоторых региональных съездов иракской и сирийской Баас. Повторный приход Баас к власти в июле 1968 г. отчасти подтвердил ее более взвешенный и прагматичный подход к идее арабского единства, хотя по-прежнему в числе главных задач партии называлась проблема единства арабских стран, подчеркивалась «необходимость вести работу в направлении политического, экономического и военного единства арабской родины» [14].

Одним из важных документов, подтверждавших стремление Ирака к осуществлению принципа арабского единства, была Временная конституция страны (октябрь 1968 г.), которая провозгласила главной целью «суверенной народной демократической республики» создание единого арабского государства на принципах социализма, основываясь на том, что «иракский народ – часть арабской нации» [15]. Новая Временная конституция Ирака (июль 1970 г.) в качестве первостепенной задачи также про-

возглашала создание Объединенного арабского государства. Стремление осуществить принцип арабского единства подтверждалось иракским руководством и в Хартии национальных действий (ноябрь 1971 г.) и решениях VII (ноябрь 1968 г.) и VIII (январь 1974 г.) региональных съездов правящей Баас.

Анализируя указанные официальные правительственные и партийные документы, можно констатировать, что позиция Ирака в вопросе арабского единства вытекала логически из невозможности для него идти на государственное объединение со странами, имевшими противоположные политические системы. Если исключить из этого списка, по терминологии баасистов, «арабские феодально-буржуазные режимы», то круг стран, с которыми Иракская Республика в принципе могла заложить основы единого арабского государства, значительно суживался. В качестве основных союзников Ирака по-прежнему рассматривались кандидатуры Египта и Сирии. Однако в тот период руководство страны не ставило целью и не было готово к политическому объединению с этими государствами, взамен чего предлагало укрепление связей между ними и усиление их борьбы против «международной и региональной реакции». Хотя причины отказа от немедленного объединения с Египтом и Сирией не назывались, тем не менее, неудачный опыт создания ОАР и ФАР не могли пройти бесследно. На смену энтузиазму пришел трезвый анализ, больше осторожности и необходимость учета всех отрицательных и положительных факторов в деле арабского единства. После тщательного изучения ошибок и просчетов «предыдущих опытов и экспериментов» общеарабское и региональное руководство Баас сделали вывод о целесообразности в «данных исторических условиях создания необходимой атмосферы, способствующей осуществлению единства» [16]. Другая причина, определявшая осторожный подход иракского руководства к вопросу государственного объединения с некоторыми арабскими странами, была связана с его позицией в ближневосточном конфликте, которая в корне отрицала все политические средства как способ решения данной проблемы. Позицию своей страны достаточно четко изложил тогдашний президент Ирака А.Х. аль-Бакр, заявив, что «в отношении формул об объединении, предложенных некоторыми арабскими странами, нужно учесть, чтобы любое единство служило интересам арабской конфронтации врагу, полного освобождения арабских территорий» [17]. В «Хартии национальных действий» также подтверждалась официальная точка зрения иракского руководства, которое расценивало объединение арабских стран на иной основе – «фикцией, создающей базу не для осуществления арабского единства, а только реализации всевозможных реакционных планов и программ» [18]. Совершенно ясно, что при таком подходе к проблеме, иракские лидеры не могли пойти на государственное объединение со странами, позиции которых официально расценивались как «капитулянтские».

На VIII региональном съезде было принято окончательное решение о практических методах и путях объединения арабов в единое государство, которые можно было сгруппировать следующим образом: во-первых, Баас исходила из реального факта существования самостоятельных арабских государств и, что раздел «арабской нации носит политический, экономический и психологический характер». В связи с этим сложилась ситуация, при которой необходимо было действовать в рамках существующих государственных границ, но в то же время стараться способствовать всемерной интеграции арабского мира. Во-вторых, исходя из наличия вышеупомянутых факторов, съезд правящей партии указал путь, который мог привести к созданию единого арабского государства. Суть ее заключалась в установлении контроля сначала в одной стране, а затем и в других странах – до тех пор, пока не осуществится принцип арабского единства и не будет создано единое арабское государство. Предполагалось, что этим процессом будет руководить партия Баас, чьи идейные принципы и организационные формы составят ядро будущего единого арабского государства и которой в этом объединении будет принадлежать ведущая роль. «Развитие регионального государства будет поставлено на службу построения общенационального государства, через организационное и идейное единство партии Баас и на базе ее политической программы» [19], – отмечалось на съезде. В то же время при определении будущих задач съезд наталкивался на определенные трудности не только терминологического характера, но и связанные с необходимостью ревизии некоторых идейно-теоретических принципов политической платформы самого баасизма. Вопрос об объединении «арабского отечества» не привел к ясному разграничению, а иногда и противоречию между программами – минимум и максимум, смещению стратегической линии внешнеполитического характера с тактикой партии во внутренней сфере. Это противоречие не трудно было заметить и в Политическом отчете съезду, который, определяя построение социализма в числе основных задач партии, «необходимым условием достижения свободы, единства арабской нации и ее современного подъема», в то же время утверждал, что «только в едином арабском государстве возможно построение завершеного арабского социалистического строя» [20].

Позднее лидер иракской Баас С.Хусейн в одном из своих интервью так охарактеризовал изменения, произошедшие в позиции правящей партии в вопросе арабского единства: «Двадцать лет назад мы думали, что можно осуществить единство конституционными, политическими и директивными мерами. А сейчас видим, что единство или приближение к нему не может быть осуществлено только политическими и конституционными актами. И мы стали искать возможность для действия в направлении единства также и в других областях» [21]. И, действительно, общественно-политическое развитие арабских стран после достижения ими политической и экономической независимости, изменения, происходившие в

окружающем мире, внесли значительные коррективы в идейную платформу баасизма, подверглось изменению содержание его основных идеологических доктрин. Такая же метаморфоза произошла и с идеей арабского единства, поскольку в арабском мире преобладала тенденция не к сплочению, а к углублявшемуся размежеванию. Ее подтвердила и сама история баасизма, с середины 60-х годов пребывавшая в состоянии идейно-организационного раскола [22]. Более того, лидерам Баас никак не удавалось хотя бы частично претворить в жизнь идею единого арабского государства путем объединения Ирака и Сирии, где они находились у власти. Последняя такого рода попытка потерпела крах в 1978-1979 гг. и, как и все прочие, явилась лишь эпизодом на фоне хронической ирако-сирийской конфронтации. Таким образом, можем констатировать, что под воздействием объективных фактов реальной жизни и субъективных ошибок и просчетов лидеров Баас подверглась коррозии и разрушилась основа основ ее доктрины – идея арабского единства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ныдаль аль-баас фи сабиль аль-вахда ва-ль-хуррийя вя-ль-иштиракийя. Бейрут, 1963-1978, т.4, с.26 (Далее –Ныдаль аль-баас).
2. Там же, с.27.
3. Афляк М. Фи сабил аль-баас, Бейрут, 1975, с.50-51.
4. Аль-мактаб ас-сакафи аль-кауми. Ламхат мин ныдаль аль-баас (1947-1974). Багдад, (б.г.), с.15.
5. Ныдаль аль-баас, т.7, с.27.
6. там же, с.18.
7. Аз-Зубейди Л.Дж. Саура 14 таммуз 1958 фи-ль Ирак, Багдад, 1979, с. 446.
8. Ныдаль аль-баас, т.7, с.26.
9. «Аль-Джамахир», 14.2.1963.
10. Аль-минхадж аль-мархали ли-ль-маджлис аль-ватани ли кийяда ас-саура. Багдад, 1963, с.9.
11. «Аль-Манар», 30.2.1963.
12. Seymour A. Nasser for the Ba`th. - «Statist», 1963, p.402.
13. Афляк М. Мааракат аль-масыр аль-вахид. Бейрут, 1975, с.63.
14. «Аль-васаик аль-арабийя», Бейрут,1970-1976, с.366.
15. «The Baghdad Observer», 23.9.1968.
16. Arab Ba`th Socialist Party. The Political Manifesto of the 10-th National Congress. Beirut, 1970, p. 15.
17. «Аль-Джумхурийя», 18.7.1969.
18. The National Action Charter. Baghdad, 1973, p.9.
19. Арабская нация едина, ее миссия бессмертна. Партия арабского социалистического возрождения. Иракский регион. Политический отчет восьмого регионального съезда. Хельсинки, с. 177.
20. там же, с.85.
21. Матар Ф. Саддам Хусейн: ар-раджул ва-ль-кадийя ва-ль-мустакбал. Бейрут, 1980, с.282.
22. Специальный бюллетень. М., 1987, №5, с.108.

**İRAQIN XARİCİ SİYASƏTİNDƏ «ƏRƏB BİRLİYİ» PROBLEMİ
(XX əsrin 70-ci illəri)**

A.R.BAĞIROVA

ANNOTASIYA

Məqalədə XX əsrin 70-ci illərində İraqın xarici siyasətinin aparıcı istiqamətlərindən olan – «Ərəb birliyi» problemi araşdırılır. Burada hakim BƏƏS partiyasının ideologiyasında «Ərəb birliyi» probleminin nəzəriyyəsi, mahiyyəti, yeri və əhəmiyyəti ilə yanaşı, həm də onun fəaliyyətində bu problemin praktiki cəhətdən həlli yolları göstərilib.